

общества), которые влияли на положение женщины в семье и в обществе, повышая или понижая ее статус.

6.1. Специфика статусов невесты и молодухи

С момента перехода девочки в фертильный возраст начиналась ее подготовка к будущему материнству. Весь цикл свадебных ритуалов проникнут всевозможными обрядами, направленными на обеспечение здоровья и многодетности девушки в семейной жизни и предохранение ее от возможного бесплодия. Так, отец жениха обязательно сверх оговоренного калыма давал стороне невесты подарок — животное, обязательно самца (*әлі-тірі*), иначе, по народному поверью, невеста будет болезненной (Арғынбаев 1973: 188). В свой первый официальный визит в аул невесты жених привозил родне будущей жены всевозможные подарки. В эти подарки обязательно входили предметы, которые в символическом плане должны были олицетворять надежду жениха на плодovitость невесты: сладкие фрукты, всевозможные сладости, молодая кобыла для будущего тестя.

Самым удачным временем для свадьбы считался период конца лета — начала осени. Это было связано с тем, что именно к этому времени завершался основной цикл хозяйственных работ, наступал сезон случки скота, который в сознании скотоводов всегда соотносился с благодатным временем заключения брачных союзов. А.Т. Толеубаев обращает внимание на то, что для казахов при заключении брачного союза значимым оказывалось не только время года, но и пора месяца. Предпочтение отдавалось началу месяца (новолунию) или его середине (полнолунию). Отмеченные фазы луны должны были благотворно повлиять на деторождаемость молодой жены (Толеубаев 1991: 21–22). Даже игры и развлечения молодежи в период свадебных церемоний имели определенное символическое значение. Большинство исследователей склоняются к мнению, что качание на качелях молодежи является своеобразным «имитативно-сексуальным приемом магии плодородия» (Штернберг 1936: 466; Снесарев 1969: 79; Толеубаев 1991: 19). Сакральное значение свадебной занавески *шымылдық* и белой кошмы *ақ киіз*, на которой носили невесту прощаться с родственниками перед отъездом в аул жениха, может быть истолковано как охранительное, защищающее и невесту, и жениха от действия вредоносных сил. На свадьбу старались не допускать бездетных людей. Устанавливать юрту молодоженов, стелить им постель доверяли только много-

детным, счастливым женщинам, которые в символическом плане даже своим присутствием могли повлиять на многодетность и долголетие молодой четы.

Изучая свадебную обрядность казахов, нельзя не заметить, что большинство охранительных мер направлено на защиту от действия вредоносных сил не столько жениха, сколько невесты — будущей матери. Всевозможные символические меры должны были защитить невесту от сглаза, порчи и в первую очередь способствовать ее многодетности в будущей семейной жизни. Свадебный кортеж охраняли дозорные, первые въезжающие в аул жениха. Иногда с целью защиты молодухи от сглаза «неблагополучных» людей на коне, предназначенном для нее, ехала жена ее брата в наряде и головном уборе невесты (Толеубаев 1991: 28). Как только невеста приезжала в аул родственников жениха, женщины сразу закрывали ее свадебной занавеской от постороннего взгляда. При первом визите невесты в дом свекра ее обязательно сажали на шкуру барана, «чтобы рожала много, как овца», «чтобы ее предродовые схватки были мягкими» (Толеубаев 1991: 29). У некоторых восточных и северных казахов существовал обычай кормления собаки в подоле невесты, что также должно было способствовать ее многодетности: «Невеста будет много рожать, как собака» (Толеубаев 1991: 31).

Пожелания многодетности звучат и в напутственных песнях, сопровождающих отъезд невесты из аула своих родителей:

«...О, ты красный курджун, джар, джар, ау!

Да вылетят из красного курджуна, копчики, джар, джар, ау!...»

(Диваев 1900: 23–24).

В этой песне молодая невеста сравнивается с красной переметной сумой (*қоржын*), из которой должны вылететь на свет ее дети — птицы, названные копчиками-перепелятниками (*қырғый*).

Утешая плачущую невесту, певец говорит о том, что вскоре она будет ласкать своего ребенка:

«...Ты сидишь, госпожа, на рыжей лошади, джар, джар, ау!

Сопровождает тебя, госпожа, молодая верблюдица, джар, джар, ау!

Всхлипывая, всхлипывая, не плачь, госпожа, джар, джар, ау!

Ведь ты будешь ласкать, подбрасывая, своего ребенка, джар, джар, ау!...» (Диваев 1900: 25).

Для молодой девушки, отправляющейся жить в новую семью своего мужа, знающей обо всех сложностях и ограничениях будущей жизни, рождение и воспитание ребенка часто становилось единственным утешением. Эмоциональная связь, устанавливающаяся между мате-

рью и ребенком, радости опеки над своим первенцем помогли молодой женщине преодолевать все трудности замужней жизни.

Этикетные нормы поведения молодухи в семье мужа, о которых уже неоднократно упоминались, кроме постепенного приобщения женщины к семье мужа, должны были еще и символическим образом оградить ее от негативного влияния со стороны окружающих и способствовать скорому зачатию ею ребенка.

Сама молодуха, по традиционным представлениям казахов, обладала определенной символической силой плодородия, к которой старались приобщиться родственники мужа. Пик этой силы приходился на момент свадьбы и на период, за который молодая женщина должна родить первого ребенка. Охранительные меры направлены именно на то, чтобы обеспечить сохранение этой силы у молодой женщины, но при этом дать возможность приобщиться к ней ближайшим родственникам. Это поверье нашло отражение в таких традициях, как: обязанность молодухи ухаживать за молодняком скота; обязательная раздача части приданого родственникам; в обычае *жыртыс*, смысл которого состоит в распределении кусков материи между присутствующими на свадьбе; в традиции раздачи невестой мелких украшений сестрам своего жениха; в обычае *сарқыт*, следуя которому присутствующие на свадьбе уносили к себе домой остатки праздничной пищи.

Не будем забывать и о том, что свадебный костюм девушки, особенно головной убор *сәукеле*, в традиционном сознании казахов наделялся огромным символическим значением. Кроме декоративных качеств, свадебный головной убор невесты, богато покрытый украшениями, был своего рода оберегом девушки от злых сил. В традиционной культуре казахов голова, наряду с печенью, считается местом локализации жизненной силы человека — *құт*. На головной убор переносились качества его хозяина, он считался носителем благодати его обладателя. Таким образом, мать, передающая свой свадебный головной убор дочери, в символическом плане передавала ей свою удачу, силу, способность к деторождению.

Головной убор невесты старались украсить как можно ярче — золотыми бляшками, жемчугом, драгоценными камнями. Свадьба была единственным моментом в жизни женщины, когда она одновременно носила такое количество разнообразных видов украшений, символизирующих пожелание девушке благополучия, многодетности, богатства и долголетия в будущей семейной жизни. Обилие украшений подчеркивало, что свадьба была кульминационным моментом в жизни любой женщины. Как уже было сказано, с течением жизни коли-

чество украшений в костюме женщины постепенно сокращалось. В костюме пожилой женщины, вышедшей из детородного возраста, они практически отсутствовали. Некоторые из украшений переходили младшим сестрам женщины, подрастающим дочерям или девушкам из семьи мужа.

Не только сам головной убор невесты (*сәукеле*) имел глубокое символическое значение, но и каждый его элемент, орнамент, использующийся материал обладали своим семантическим статусом. Орнаментальные композиции, использующиеся при украшении *сәукеле*, — «священное древо жизни», «бараньи рога» — в традиционном мировоззрении казахов обладали значительной смысловой нагрузкой. Такие материалы, как серебро, коралл, жемчуг, сердолик, наделялись защитной функцией. Так, коралл должен был уберечь девушку от порчи и сглаза, жемчуг — от бельма, а сердолик символизировал радость и благополучие в будущей семейной жизни.

Таким образом различными символическими, но в народном сознании обладающими огромной практической силой, способами старались обеспечить защиту девушки и молодой женщины, находящихся в переходном периоде своей жизни (от девичества к материнству) от вредоносных сил, действие которых всегда ассоциировалось в первую очередь с лишением женщины способности к деторождению. Подчеркну еще раз, что бесплодие женщины всегда рассматривалось как величайшее горе в ее жизни и жизни ее мужа.

6.2. Роль женщины в родильной обрядности

Не подлежит сомнению главная роль женщины-матери в родильной обрядности. Именно женщина вводит нового человека в мир людей. Но если невеста и молодуха, как правило, являются пассивными персонажами обрядов, направленных на их защиту и охрану, то есть все действия совершают старшие женщины или, по крайней мере, руководят действиями невесты и молодухи, то роль роженицы в обрядах дородового, родового и послеродового циклов более активная — во многом от самостоятельных действий женщины зависела ее судьба и судьба ее ребенка. Чем опытнее становилась женщина, тем осмысленнее и самостоятельнее были ее поступки. Поэтому при первой беременности молодой женщины ведущая роль в организации ее жизни оставалась все же за старшими женщинами, которые учили ее правильному поведению во время беременности и родов, а после рожде-